

— Девочки, вы не представляете, как я волнуюсь! — воскликнула Катя и с размаху поставила на стол чашку, так что остатки кофе выплеснулись на столешницу и несколько капель попали на Ирину новую блузку.

Она переглянулась с Жанной и покачала головой. Жанна вздохнула и демонстративно отвернулась к окну.

— Ой, — в Катином голосе послышались слезы, губы ее задрожали. — Ирка, прости, пожалуйста, я не хотела. Просто в последние дни все из рук валится.

— И не только в последние дни, — тихонько проворчала Жанна и закурила.

— Есть не могу, спать не могу, — громко жаловалась Катя, — делать ничего не могу, только все время плачу.

— Да что ты плачешь-то, — не выдержала Жанна. — Радоваться нужно! Сама извелась вся без мужа, нам всю плешь проела, а теперь, когда твой ненаглядный муженек наконец возвращается из своей Африки, у нее все из рук валится! Может, ты его видеть не хочешь?

— Да ты что! — возмутилась Катерина, и от возмущения даже непроливишиеся слезы мгновенно высохли на ее глазах. — Да как ты можешь? Просто я думаю, а вдруг он очень изменился и я его не узнаю? А вдруг он вернется совершенно другим человеком, не тем, кого я любила?

Она опустила глаза, горестно вздохнула и проговорила едва слышно:

— А вдруг он сам забыл меня, разлюбил в этой своей Африке? Вдруг теперь ему нравятся только негритянки?

— Ничего страшного, — усмехнулась Жанна. — Возьмешь абонемент в солярий.

— Тебе бы только смеяться! — В Катином голосе снова зазвенела обида. — А все это, между прочим, очень серьезно! Кроме того, новая соседка снизу продолжает меня доводить! Можете себе представить, сегодня притащилась с самого утра и устроила настоящий скандал! Видите ли, я грохочу у нее над головой и мешаю ее здоровому полноценному сну! Обещала вызвать участкового и составить акт по факту злостного нарушения общественного порядка.

— Ты даешь! — восхитилась Жанна. — Сама уже стала выражаться языком официальных протоколов. А что ты делала — училась танцевать африканские танцы, чтобы порадовать мужа?

— Если бы, — отмахнулась Катька, не заметив сарказма в голосе подруги. — Всего лишь пере-

двинула на кухне табуретку, чтобы поменять батарейку в настенных часах!

— Могу себе представить, — хихикнула Жанна.

— Нет, не можешь! — Катька в возбуждении привстала. — Я из-за этой мегеры даже перестала покупать молочные продукты!

— Господи, — искренне удивилась Ирина, — а они-то при чем?

— Знаете, есть такая фирма «Хуторок в степи»? Молоко, кефир, сметана и все прочее... Так вот там на коробках старуха нарисована — просто вылитая моя соседка! Один к одному.

— Покупай какое-нибудь другое молоко, — раздраженно отозвалась Жанна. — И вообще, пора тебе наконец повзрослеть. Казалось бы, не девочка, а трясешься перед какой-то старой гримзой, не можешь ее на место поставить.

Ирина откинулась на стуле и огляделась. Катя с Жанной разговаривали на повышенных тонах, как бы остальные посетители кафе не стали возмущаться. Но нет, парочка за соседним столиком была занята только собой, компания студентов сама шумела всюю, прилично одетый мужчина средних лет углубился в деловые бумаги.

Подруги по-прежнему спорили. Ирина в который раз поразилась, как могут дружить два таких разных человека, как Катька с Жанной. Обычно она вклинивалась между ними и гасила надвигающуюся ссору. Таким образом трем подругам удалось продержаться лет ужас сказать сколько,

больше пятнадцати. Нельзя сказать, что они все эти годы были неразлучны. У каждой была своя жизнь, иногда подруги не виделись по несколько месяцев. Но в трудную минуту всегда можно было рассчитывать друг на друга. Так уж получилось, что сейчас все трое были одиноки. То есть не одиноки, тут же поправила себя Ирина, просто не замужем. Взрослые самостоятельные женщины, вполне состоявшиеся. Жанна — деловая преуспевающая дама, нотариус, давно уже зарабатывает очень приличные деньги и ни от кого не зависит. Есть у нее сын и замечательная армянская мама, которая готовит так, что пальчики оближешь, и обожает гостей. У нее, Ирины, была когда-то полноценная семья — муж и двое детей. Супруг как-то незаметно ее бросил, то есть просто уехал работать в Европу и не вернулся. История эта тянулась несколько лет, Ирина все на что-то надеялась, ради детей старалась поддерживать видимость семейной жизни. Дети выросли, и подруги наконец уговорили принять решительные меры. Вспомнив, как ужасно проходил ее развод, Ирина поехала. Слава богу, все позади, муж уехал обратно в свою Великобританию и носа не кажет. Сын учится в Оксфорде, а Ирина с дочкой и славным кокер-спаниелем Яшей живут здесь.

И если жизнь Ирины и Жанны можно считать налаженной, то о Катьке этого сказать никак нельзя. Вечно ее лихорадит и бросает из одной крайности в другую. Несмотря на многие разо-

чарования, Катерина сохранила веру в людей. В один прекрасный момент она вдруг огорошила подруг известием, что выходит замуж. Жанна была вне себя, пыталась воздействовать на Катю, вспоминала ее первое неудачное замужество и еще более неудачный длинный роман, напоминала, какой мерзавец был ее первый супруг, а уж о подлеце-любовнике и говорить не хочется. Ирина помалкивала, но в душе была согласна с Жанной. Однако Катерина проявила не свойственные ей упрямство и настойчивость. При встрече Катин будущий муж Ирине понравился — приличный такой мужчина, старше ее лет на десять, но это же не главное. Образованный, профессор в университете на кафедре африканистики. Ирина решила, что Катюшке просто повезло. Жанна Ириной радости не одобряла и предрекала, что их брак долго не продержится.

Странности начались месяца через четыре после свадьбы. То есть вначале ничего такого не было, просто профессор Кряквин уехал с группой студентов в запланированную экспедицию. В Африку, само собой. Честно прождав положенные три месяца, Катерина явилась в аэропорт и вместо мужа получила письмо, написанное в весьма странной манере. В письме профессор сообщал, что присоединился к кочующему племени мгвангве и вернется только через год, раньше, мол, никак не получится, потому что племя углубляется в джунгли. Тот, кто привез письмо, наскоро

объяснил Кате, что профессору выпала большая удача — изучить дикое племя мгвангве изнутри. Одним словом, любовь профессора Кряквина к работе оказалась гораздо сильнее любви к молодой жене. Катерина долго расстраивалась по этому поводу, подруги утешали ее как смогли, но потом все наладилось. Поскольку больше ничего не оставалось, Катя решила мужа дожидаться, а уж при встрече высказать все, что она о нем думает. Однако через год профессор тоже не появился. Какие-то у него возникли сложности с тамошними властями, а потом с нашим посольством. Только к лету пришла наконец долгожданная телеграмма, где Кряквин сообщал день прибытия и номер рейса. Осознав, что супруг, которого она не видела почти два года, теперь уже точно возвращается, Катерина впала в самую настоящую панику. Она находилась в невменяемом состоянии, когда подруги нашли ее и попытались привести в норму. Удавалось это плохо.

— Девочки, не ссорьтесь! — возвала Ирина. — Жанка, не пили ее, она и так на взводе. А ты, Катерина, немедленно успокойся. Возьми себя в руки, а то еще, не дай бог, под машину попадешь или уронишь на себя горячий чайник. Что тогда будет?

Катя представила, как вернувшийся муж застает ее всю в бинтах и в гипсе, и замолчала.

— Вот и умница, — удовлетворенно кивнула Ирина, прочитав на лице подруги обуревавшие ее

чувства. — Теперь, чтобы не переживать попусту, сосредоточься на своем внешнем виде и на хозяйственных мелочах. Человек отсутствовал полтора года, он должен по возвращении увидеть чистый уютный дом и красивую жену.

— Да уж! — скептически фыркнула Жанна, оглядев Катькину круглую фигуру и волосы, торчащие недовольным ежиком. — Уж прости, подруга, за прямоту, но красотой здесь и не пахнет.

— На себя посмотри! — огрызнулась Катерина. — Снова ты в красном костюме! Думаешь, очень красиво?

Ирина поскорее отвернулась к окну. Подругам была прекрасно известна любовь Жанны ко всему яркому, особенно к красному цвету. От природы смуглая брюнетка, Жанна обожала вызывающие наряды, а еще броские серебряные украшения, которые навешивала на себя в ужасающем количестве, хотя вполне могла позволить себе носить настоящие драгоценности. Костюм, конечно, был хорош и сидел отлично, но вот цвет... Цветом костюм напомнил Ирине революционный стяг.

«Мы поднимаем алое знамя, дети рабочих, смело за нами!» — вспомнилась пионерская песня, и Ирина закусила губу, чтобы не рассмеяться.

— Чем тебе мой костюм не угодил? — Жанна так удивилась, что даже голос дрогнул.

— Да в таком костюме только быков дразнить, матадором работать! — припечатала Катерина. — И нечего критиковать мою внешность!

— Что? — завопила Жанна. — В костюме от «Боско ди Чильеджи»? Дразнить быков?

— Кто это такие? — повернулась Катька к Ирине.

— Не придуривайся, — холодно ответила та, — это очень модная и дорогая торговая фирма. Итальянская.

— Значит, это будут итальянские быки, — ответила Катерина, чтобы оставить за собой последнее слово.

Жанна, повинувшись укоризненному взгляду Ирины, решила прекратить бесполезную дискуссию.

— В парикмахерскую ее вести бесполезно, — заметила Ирина, — здесь и так все сострижено. Я завтра ее сама причешу перед встречей.

— Макияж, пожалуй, совсем не нужен, — поддержала Жанна. — Она разревется, только тушь размажет. Катька, но если ты снова наденешь свои грязно-болотные брюки, я просто не знаю, что с тобой сделаю!

— Это не ваше дело, — надулась Катя. — Валек любит меня, какая есть.

— В квартире уборку генеральную сделала? — деловито осведомилась Ирина. — А то у тебя там пылищи... Муж с непривычки расчихается.

— Да говорю же вам, что ничего не могу делать! — Катерина снова была на нервах. — Ни мебель подвинуть, ни пол помыть! Эта зловредная бабка снизу прибегает тут же и начинает скандалить, что я шумлю и ее заливаю!

— Откуда она взялась-то на твою голову? — удивились подруги. — Не было же раньше проблем с соседями. У тебя там только одна скандальная тетка, генеральша бывшая...

— Недужная? Точно! — энергично подтвердила Катя. — Но она живет наверху. Мы с ней не соприкасаемся ни полом, ни потолком. А под нами жили Мурзикины. Такая приличная была старушка Мария Николаевна. Она умерла, и ее дети квартиру продали, иначе было с наследством не разобраться. Вот теперь мучаюсь с этой новой соседкой-мегерой...

— Что, этой старушечки одной купили трехкомнатную квартиру в центре? — удивилась Жанна.

— Там какая-то странная семейка, — вздохнула Катя. — Сначала они выбросили всю старую мебель, оставшуюся от Мурзикиных. Это понятно, кому охота чужое старье в доме держать. Потом пришли рабочие, сломали стены, обобрали обои и даже пол паркетный. Вынесли плиту и всю сантехнику на помойку и ушли. А через три дня привезли эту старуху, Ирину Сергеевну, а с ней вместе старый шкаф, стол и раскладушку. Генеральша наша при том присутствовала — ей всегда до всего есть дело, так вот, она клятвенно утверждала, что мебель Мурзикиных была в гораздо лучшем состоянии. Спрашивается, для чего было менять шило на мыло? Дальше все соседи теряются в догадках, потому что ремонт

никакой никто не делает, и как старуха существует в таких спартанских условиях — совершенно непонятно.

— Да уж, — согласилась Ирина, — ни плиты, ни сантехники...

— Навещает ее раз в неделю какая-то баба, нашей генеральше представилась как невестка, — продолжала Катя. — Как можно пожилого человека в таких условиях содержать, у всех в голове не укладывается. Я бы этой Ирине Сергеевне сочувствовала, если бы у нее не был такой отвратительный характер.

— Слушай, я тебя не понимаю, — перебила Жанна. — У тебя муж завтра приезжает, а ты вместо этого думаешь о какой-то посторонней старухе. Да что тебе за дело, как она живет и с кем? Может, она йог и специально спит на голом полу и ест сухие корки? Тебе-то что до этого?

— Да говорю же вам, она житья мне не дает! — вскипела Катя. — На дню по семь раз прибегает и орет! То ей шумно, то ей мокро, то ей...

— Скучно, — подсказала Ирина. — Ей скучно одной в пустой квартире, она таким образом общается.

— Тяжелый случай, — согласилась Жанна. — Ладно, мне пора. Катерину могу подбросить, мне в ту сторону.

Катька чмокнула Ирину в щеку, после чего накрасила губы сердечком, и подруги распрощались.

— Вот, — сказала Жанна, с шиком подкатывая к Катиному дому, — тебя прямо до подъезда...

Катя открыла было рот, чтобы поблагодарить, и уже высунула ноги из машины, но в это время из дверей подъезда, как черт из табакерки, выскочила высокая худая старуха в грязно-сиреневом фланелевом халате в мелкий цветочек. Седые волосы старухи были стянуты в жидкий пучок на затылке, на носу плотно сидели очки в металлической оправе. В облике дамы Жанна уловила что-то знакомое. Ах да, «Хуторок в степи». Старуха была как две капли воды похожа на ту, из рекламы молочных продуктов, только белого передника не хватало.

Катя, завидев старуху, охнула и попыталась захлопнуть дверцу автомобиля, но было поздно. Старуха подлетела к машине и вцепилась в дверцу мертвой хваткой.

— Катерина Михайловна! — заорала она визгливо. — А я вас давно поджидаю! У меня по батареям течет вода!

— Какие батареи, сейчас же лето, — ошеломленно пробормотала Катя.

— Но холодная вода течет сверху, то есть от вас! — Старуха напирала так, что автомобиль покачнулся.

— Вода всегда течет сверху вниз, это закон природы, — холодно заметила Жанна. — Вверх бьют только фонтаны.